

УДК159.99

DOI: 10.26795/2307-1281-2020-8-1-6

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СЕМЬИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ ИНСТИТУТА РОДИТЕЛЬСТВА

Е. А. Бурина¹, А. Е. Кудинова¹

*¹Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

АННОТАЦИЯ

Введение. В современных отечественных исследованиях, посвященных российской семье, часто можно встретить определение её состояния как кризисного. К признакам кризиса института традиционной семьи исследователи относят уменьшение количества регистрируемых браков в сочетании с ростом количества внебрачных сожительств; увеличение случаев внебрачных рождений; повышение частоты разводов, тенденции малодетности и однопородности. Во многом данные изменения связаны с качественными преобразованиями института родительства в ходе социально-исторических процессов, происходивших в российском обществе в последние сто лет. К данным процессам относится эмансипация женщины и активное её включение в экономическую и политическую деятельность, повлекшая за собой сдвиги в распределении репродуктивного и продуктивного труда между супругами в браке, развитие государственных институтов ухода за детьми, изменение правового статуса ребенка и его роли в семейной системе. Таким образом, преобразования в институте семьи могут быть рассмотрены не как признаки кризиса семейной системы, а как адекватная её перестройка в ответ на изменения в социально-экономических и политических сферах общественной жизни.

Материалы и методы. При написании статьи применялся теоретический анализ отечественной и иностранной литературы, изучение научных статей и публикаций по теме; обобщение и систематизация результатов отечественных и зарубежных исследований; контент-анализ.

Результаты исследования. Рассмотрены изменения в детско-родительских отношениях в ходе исторического развития института семьи в различных обществах (в частности, в российском); обозначены особенности современной российской семейной системы и характерные для неё процессы; осуществлено их сопоставление с процессами, характерными для института семьи в развитых странах.

Обсуждение и заключения. Процессы, наблюдаемые современными исследователями в российской семейной системе и часто обозначаемые как показатели её кризиса, во многом повторяют тенденции, характерные для института семьи в развитых странах, и являются частью глобальных изменений в жизни общества. Однако российская семья обладает своей спецификой, являющейся следствием социально-экономических и культурных особенностей нашей страны, а также историей развития форм детско-родительских отношений.

Ключевые слова: семья, родительство, демография, кризис, брак, история.

Для цитирования: Бурина Е.А., Кудинова А.Е. Особенности современной российской семьи в условиях социально-исторических изменений института родительства // Вестник Мининского университета. 2020. Т. 8, №1. С.6.

MODERN RUSSIAN FAMILY IN THE CONTEXT OF SOCIO-HISTORICAL CHANGES OF PARENTHOOD

E. A. Burina¹, A. E. Kudinova¹

¹Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

Introduction. Contemporary Russian studies about the traditional Russian family often describe it as being in a state of crisis. According to researchers, this crisis is defined by a decrease in registered marriages and corresponding increase in unmarried cohabiting couples; a rise in extramarital births; a rise in divorces; and a trend towards families with few children. Current statistics show that around 70% of families in the Russian Federation fall apart, and that the number of registered marriages is going down. In many respects, these changes are linked to the transformation of parenthood in Russian society over the past 100 years, which occurred due to various social and historical phenomena. These include; the emancipation of women and their consequent contributions to politics and the economy, which was accompanied by a shift in the distribution of reproductive and productive labour in married couples; the development of state childcare, and changes to the legal status of a child and their role in the family structure. Transformations in the institute of the family can therefore be viewed not as indicators of crisis, but rather as a logical remodelling, in response to changes in social, economic and political areas of public life.

Materials and methods. The following methods were used for the preparation of this article; theoretical analysis of Russian and international literature, study of scientific articles and publications on the topic, overview of results from Russian and international studies, content analysis.

Results. Changes in child-parent relations throughout historical development of the family institute in different societies (specifically within Russia); special characteristics of the modern Russian family and its distinctive features; comparison of these features with those which are typical for families in developed countries.

Discussion and conclusion. The phenomena in the Russian family system, which contemporary researchers often describe as crisis indicators are, to a great extent, simply replications of typical trends in developed countries. These phenomena are part of global changes in public life. However, the Russian system is nonetheless unique, with its own legacy of social, economic and cultural characteristics, and child-parent relations.

Keywords: family, parenthood, parenting, demography, crisis, marriage, history.

For citation: Burina E.A., Kudinova A.E. Modern Russian family in the context of socio-historical changes of parenthood // Vestnik of Minin University. 2020. Vol. 8, no. 1. P.6.

Введение

В современных отечественных исследованиях, посвященных российской семье, часто можно встретить определение её состояния как кризисного. К признакам кризиса института традиционной семьи исследователи относят уменьшение количества регистрируемых браков в сочетании с ростом количества внебрачных сожительства; увеличение случаев внебрачных рождений; повышение частоты разводов, тенденции малодетности и однодетности [12, 30]. Так, согласно актуальной статистике около 70% семей в Российской Федерации распадаются, снижается количество зарегистрированных браков [28]. Во многом данные изменения связаны с качественными преобразованиями института родительства в ходе социально-исторических процессов, происходивших в российском обществе в последние столетия. К данным процессам относится эмансипация женщины и активное её включение в экономическую и политическую деятельность, повлекшая за собой сдвиги в распределении репродуктивного и продуктивного труда между супругами в браке, развитие государственных институтов ухода за детьми, изменение правового статуса ребенка и его роли в семейной системе. Таким образом, преобразования в институте семьи могут быть рассмотрены не как признаки кризиса семейной системы, а как адекватная её перестройка в ответ на изменения в социально-экономических и политических сферах общественной жизни.

Материалы и методы

При написании статьи применялся теоретический анализ отечественной и иностранной литературы, изучение научных статей и публикаций по теме, обобщение и систематизация результатов отечественных и зарубежных исследований, производился контент-анализ.

Результаты исследования

Семья – это исторически-конкретная система взаимоотношений между супругами, родителями и детьми. По определению Р.В. Овчаровой, это малая группа, члены которой связаны между собой брачными или родственными отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью [26, с. 13]. Брачность и/или наличие родственных связей выступали для многих ученых основополагающими критериями в определении семьи [37]. Однако большое количество исследователей выражали своё несогласие с тем, что данные явления представляют собой необходимые условия формирования семейной системы. Так, И.С. Кон провел анализ множества работ, посвященных теме семьи, с целью выделить критерии, необходимые для разделения семьи и группы, включающей несколько поколений, то есть «не-семьи». В результате исследователем было выделено два критерия, охватывающих все многообразие форм семейных отношений и при этом отражающих их единство: совместное проживание и ведение совместного хозяйства [23]. Таким образом, согласно выводам И.С. Кона, легитимация отношений определенными институтами,

например, в форме официального брака, а также кровное родство не являются необходимым условием для возникновения семьи.

Современные западные исследователи также указывают на то, что обозначение официально зарегистрированного брака как одного из обязательных критериев семьи является устаревшим и не соответствует ситуации плюрализма форм семейных отношений, наблюдаемых в действительности. Так, многие формы отношений, в которых партнеры ведут совместное хозяйство, имеют прочные эмоциональные связи и взаимные обязательства, не попадают под юридическое определение семьи в Российской Федерации. Это, например, однополые партнерские отношения, так называемые фактические (незарегистрированные) сожительства, семьи более чем с двумя родителями и т.д. [37, с. 104-105; 42, с. 15-16].

В современной России, как и в других развитых странах, официальный брак становится не столь значим для населения, наблюдается увеличение количества незарегистрированных сожительства и уменьшение количества зарегистрированных [33, с. 26]. Данная динамика объясняется множеством факторов, к которым относятся в том числе изменения в приоритетах, лежащих в основе создания семьи. По мнению социолога А.Б. Синельникова, еще недавно к нормативному типу семьи относилась только традиционная семья, обязательно предполагавшая гетеросексуальный союз, основной функцией которого признавалось рождение и воспитание детей. Люди, имеющие семьи других типов или не имеющие семьи вообще, считались нарушителями социальной нормы и либо вызывали сочувствие (как в случае бесплодия одного из супругов), либо подвергались осуждению [32, с. 96]. В настоящее время наблюдается отсутствие тесной связи между созданием семьи и воспроизведением потомства, что связано, по мнению некоторых исследователей, со сдвигом установок и норм в отношении семейной системы, представленным акцентом на индивидуальности партнеров и их самоактуализации [54, с. 2]. Таким образом, трансформация института родительства, изменения приоритета деторождения в процессе развития семейной системы является одним из главных факторов, лежащих в основе снижения популярности традиционной семьи и распространения иных форм партнерских взаимоотношений.

Родительство можно определить как подсистему в системе семьи, обладающую уникальными особенностями и относительной самостоятельностью [26, с. 13]. Институт родительства как часть института семьи претерпевал многочисленные преобразования в ходе исторического развития общества. Вместе с социальными, культурными и экономическими изменениями менялся и характер детско-родительских отношений.

На ранних стадиях развития общества индивидуальное родительство не было институционализировано. Уход за детьми осуществлялся всеми членами общины. Важно отметить, что идея первобытной «общности детей», высказанная еще Ф. Энгельсом, не нашла своего подтверждения в фактах, так как индивидуальное родительство наблюдается уже у австралийских аборигенов. Однако во всех традиционных обществах родственники и соседи занимаются чужими детьми несравненно больше, чем в индустриальных. В таких условиях, очевидно, весьма проблематично возникновение прочной привязанности между ребенком и его биологическими родителями, так как изначально ребенок приучается идентифицировать себя не с двумя самыми близкими к нему людьми, обеспечивающими уход и заботу, а с группой как целым [23, с. 28]. Отношение архаического общества к детям в основном было амбивалентным. С одной стороны, полная беспомощность детей, их зависимость от взрослых требовала к ним внимания и заботы; с другой стороны, высокая рождаемость и смертность, а также диффузный характер ответственности делал жизнь

отдельного ребенка гораздо менее ценной в глазах родителей, чем в настоящее время [3, с. 84-92]. Такой подход к детям долго сохранялся у тех народов и сословий, жизнь представителей которых была напрямую связана с обработкой земли, например, в крестьянской среде. Рождение детей не было актом сознательного, спланированного выбора, скорее, оно представляло собой следствие необходимости иметь множество рабочих рук в сочетании с отсутствием каких-либо методов контроля рождаемости [37, с. 27].

Ф. Арьес, проводя подробный анализ изображений, появившихся в Европе в Средние века, приходит к выводу, что, судя по всему, в это время чувства семьи как такового попросту не существовало, оно появилось лишь в 15-16 веках и окончательно оформилось к 17. Гораздо значительнее было чувство рода, которое относилось к существованию кровных уз как таковых, без поправки на ценности совместного существования и эмоциональной близости. Дистанция между детьми и родителями не сильно отличалась от дистанции между любыми кровными родственниками, образующими линияж, несмотря на наличие отдельного жилища и более тесного повседневного контакта. Интересен тот момент, что в линияже, по всей видимости, власть была разделена более-менее равномерно между его членами и не определялась половой принадлежностью и очередностью рождения [4, с. 351-352].

Интересно, что и на Руси вплоть до 15 века родовые узы были приоритетнее и важнее, чем договорные (то есть брачные). Слово кровных родственников (родителей, братьев) имело больший вес, чем слово супруга. Женщина в Киевской Руси была достаточно свободна, имела возможность развода и могла в случае, если ее не устраивал муж, вернуться к родителям [16, с. 60].

Начиная с 15 века на Руси можно наблюдать процесс образования патриархальной семьи, которая распространена во многих странах (в том числе в некоторых регионах России) и в настоящее время. Процесс этот характеризуется постепенной деградацией положения женщины в семье, потерей дееспособности и попаданием в полную зависимость от мужа [4, с. 354]. Вероятной причиной такой организации семейных отношений на Руси исследователи называют окончательное установление политического единовластия и централизованного государства, когда образ монарха как «государя – старшего брата» сменился образом «государя-отца». Такой монарх обладал неограниченной властью по отношению к холопам в своем государстве, и образ его становился моделью для организации семьи. «Государем» в семье становился муж, который наделялся неконтролируемой и неоспоримой властью над домочадцами и слугами (если таковые имелись) [34]. В патриархальной семье женщины и дети фактически не обладали никакими правами и являлись собственностью главы семейства. Дети находились, по сути, в рабстве, власть родителей (в особенности, отца) была властью грубой физической силы. Церковные понятия поддерживали такой тип отношений между детьми и родителями. Домострой запрещал даже смеяться и играть с ребенком. Согласно русскому законодательству 16 века дети, покусившиеся на жизнь родителей, подлежали смертной казни без обсуждения. Если же мать или отец убили ребенка, они несли наказание в форме заключения в тюрьме на 1 год [27, с. 29].

В послепетровской России нормы детско-родительских и супружеских отношений достаточно сильно варьировались от сословия к сословию. Тогда как в крестьянском сословии нормы патриархальной семьи сохранялись вплоть до 20 века, в дворянских семьях, являвших собой глубокий синтез европейской и национальной культуры, патриархальные традиции раньше, чем в других сословиях, начали вытесняться либеральными правилами. Супружество в таких семьях мыслилось как союз двух родственных душ, возрастала роль женщины [11]. Для повседневного быта дворянства была характерна традиция раздельного

проживания детей и родителей. В дворянских семьях мать и дети были разделены нормами этикета. Высокую значимость имели не детско-родительские, а родовые отношения между большими дворянскими семьями, в которых женщина играла связующую роль. Чрезмерное «увлечение» материнством не одобрялось, рассматривалось почти как девиантное поведение [35, с. 96]. Родители в дворянских семьях конца 17-18 веков уделяли мало внимания своим детям – с самого раннего детства их отдавали на попечительство кормилицам, крепостным нянькам и дядькам. Привязанность питомцев к наставникам зачастую была сильнее, чем к собственным родителям (самый яркий пример – отношения А.С. Пушкина с няней). Позже детей передавали учителям, первыми из которых были сельские священники и дьячки, а позже – гувернантки и гувернеры. В дворянских семьях существовала изощренная система наказаний за проступки. Наказания эти не наносили большого физического вреда, но были унижительны: ребенка ставили на колени лицом в угол на несколько часов, секли по подошвам розгами и хлыстом, закрывали в темной комнате на долгое время. При этом такие методы воспитания к ребенку применяли как родители, так и учителя [6].

Однако уже в середине 18 века в российских дворянских семьях намечается курс на гуманизацию семейных отношений и уменьшение дистанции между детьми и родителями. Во многом такие сдвиги в системе семейных отношений были вызваны трудами популярного французского мыслителя-гуманиста Ж.-Ж. Руссо. Стала подниматься проблема родительского и общественного воспитания, многие русские мыслители эпохи Просвещения указывали на необходимость участия родителей в образовании собственных детей, критиковали тенденцию к передаче воспитательских функций от родителей к няням и учителям [10].

В конце 18 – начале 19 века прочно укрепляется детоцентризм в обществе, характерный и для современных реалий. В связи с распространением учений французских и русских мыслителей-гуманистов в дворянских семьях матери начинают включаться в уход за младенцами, осуществлять их кормление грудью. Оба родителя чаще посещают детскую, в которую ранее заходили обычно только с утра и перед сном, играют с ребенком. Нянь стали набирать не из крестьянок, имеющих большое количество собственных детей, а из молодых девушек, закончивших специализированные курсы. Нужно отметить, что на середину 19 – начало 20 века выпало время обнищания дворянства, в результате чего многие семьи были вынуждены отказаться от услуг кормилиц и нянь не вследствие приобщения к прогрессивным взглядам на детско-родительские отношения, а из-за банального отсутствия финансовых средств для оплаты подобных услуг [9].

В советском государстве 20-30-х годов большевистской идеологией провозглашалось высвобождение женщины из-под гнета буржуазной патриархальной семьи. В это время женщины активно вовлекаются в производство и политическую деятельность, становятся независимыми от главы семейства, будь то отец или муж. В соответствии с подобным политическим вектором, принятым в отношении положения женщины в обществе, происходит легализация аборт, которая позволяет женщинам самостоятельно контролировать процесс рождения детей (надежных средств контрацепции в то время не существовало) [40, с. 134-135]. Официальным политическим дискурсом материнство позиционируется не как личный выбор женщины и одна из важных сторон её частной жизни, а как социальная функция, которая в то же время закономерно вытекает из её «природного» предназначения и которая должна поощряться и поддерживаться государством. Согласно большевистским взглядам, процессы воспитания и выращивания детей должны были быть изъяты из приватной сферы семьи, не способной обеспечить правильное формирование

гражданина нового социалистического государства, и перенесены в систему государственных институций, работающих по единому образцу. В учрежденных государством СМИ продвигалась идея о том, что уход и воспитание, поставляемое яслями, являются более полезными для ребенка, чем воспитание в родительской семье, так как предполагают прививание социалистических ценностей с самого раннего возраста [46]. Родительские обязанности, таким образом, во многом делегируются государству, организующему в большом количестве различные инстанции (ясли, детские сады, школы), обеспечивающие уход за детьми [19]. В то же время происходит упадок института отцовства, так как фигура мужчины оказывается не встроена в государственную модель семьи и даже расценивается как фактор, способный помешать выполнению женщиной её социально-политической функции работницы и матери [17, 46].

В 30-50 годы в советском обществе происходит традиционалистский откат в области семейных отношений. В это время государством конструируется образ женщины как внимательной хозяйки, хранительницы очага и в то же время – производительной силы [46]. На законодательном уровне осуществляется запрет абортов, что преподносится официальным политическим дискурсом как средство освобождения женщины от власти мужа. Так, в журнале «Работница» 1936 года утверждалось, что физически и морально здоровая женщина не может не хотеть ребенка. Считалось, что аборт всегда является инициативной заблуждающегося супруга. Однако женщины продолжали осуществлять нелегальные аборты, сопровождавшиеся серьезными последствиями (вред здоровью женщины, летальный исход), что привело к повторной легализации абортов в 1955 году [40, с. 134]. В Советском Союзе рождение большого количества детей поощрялось, а материнство открыто вписывалось в систему политических практик, регулируемых государством. Так, женщина, являвшаяся матерью десяти или более детей (родных или приемных), приобретала статус матери-героини, при этом умершие дети в данное число не включались [46].

В 50-80 годы вновь происходит постепенная либерализация семейной политики. Вопрос рождения детей, их воспитания делегируются семье и ближайшему окружению. При этом в связи с общей убылью населения в послевоенной стране стимулируется рождаемость, активно восстанавливаются и создаются институции по уходу за детьми и их воспитанию, начиная от младенческого возраста, повышается срок декретного отпуска и пособия по уходу за ребенком. Однако одно пособие не могло обеспечить достаточный уровень благосостояния матери и ребенка, в связи с чем большинство женщин вынуждено было работать. В то же время происходит увеличение количества внебрачных рождений и неполных семей (преимущественно, материнских) [46]. Повседневные стратегии работающих матерей предполагали активное участие старших родственников (бабушек, дедушек, тётъ и дядь). Очень часто основная часть воспитательной функции ложилась именно на старшее поколение, которое становилось для ребенка основной референтной группой, задающей нормы и стандарты поведения [27].

С прекращением существования советского государства и сменой экономического режима исчез четкий, политически легитимированный образ семьи и родительства. Многие семьи оказывались в стрессовых ситуациях, связанных с нехваткой материальных ресурсов, состоянием неопределенности, в которой старые стратегии поведения больше не работали. В СМИ материнство перестало транслироваться как социально-политическая функция женщины, ответственность за рождение детей, их воспитание и обучение была переложена на плечи родителей [46]. Постепенно сокращалось количество общественных форм по уходу

за детьми, что повышало родительскую нагрузку. В то же время на родителей ложилась необходимость обеспечивать семью материально, что в условиях экономического кризиса было крайне затруднительно. В 90-е годы, таким образом, оказываются вынуждены работать не только взрослые, но и дети, что приводит к разрушению традиционной детско-родительской иерархии и смешению ролей в семье [13, с. 55-56].

Если в царской России и в Советском Союзе наличие большого количества детей в семье транслировалось как однозначно позитивный социальный показатель, то в 90-е годы, когда контроль рождаемости и воспитания детей перестал быть одним из основных политических векторов, многодетность начала терять свою привлекательность, а зачастую транслировалась и как негативный феномен, становящийся серьезным бременем как для отдельной семьи, так и для социальных сервисов. В 90-е годы всё больше внимания начинает уделяться институту отцовства, в сторону отцов звучат призывы принимать больше участия в семейной жизни. Отчасти это было связано с сокращением роли государства в обеспечении ухода за детьми [46].

В 21 веке происходит постепенная стабилизация семейных (в том числе и детско-родительских) отношений в стране, происходит становление современных типов семейных отношений.

С конца 90-х – начала 2000-х годов вплоть до настоящего времени в российской семейной системе наблюдаются процессы, характерные для развитых западных стран и обозначаемые как второй демографический переход [2, с. 128]. К таким процессам относятся ослабление значимости официального брака, высокий уровень разводов и сожительства; приоритет партнерских отношений над детско-родительскими; доступность и широкое использование эффективных средств контрацепции, сменяющее использование прерванного полового акта как основного метода предохранения. Также ко второму демографическому переходу исследователи относят увеличение доли внебрачных рождений и рождений в возрасте после тридцати; сдвиг от единственно легитимной модели семьи к плюрализму форм семейных отношений [54, с. 3]. На стадии второго демографического перехода источником демографического контроля становится не система институтов и не коллектив, а прежде всего сам индивид [24, с. 20].

Для объяснения подобных изменений в структуре семьи исследователи выделяют множество факторов. К экономическим относятся, прежде всего, занятость женщин в оплачиваемых сферах труда и чрезмерная занятость обоих супругов на работе. При этом западные исследователи указывают на то, что мужчины меняют свои стратегии поведения гораздо медленнее, чем женщины. В то время как первые включаются в экономическую деятельность, вторые не спешат разделять домашние обязанности поровну со своей партнершей, делегируя ей большую часть обязанностей по уходу за домом [14, с. 33]. В Германии, например, мужчины после 30 лет предпочитают брать в жены женщин из менее развитых в экономическом отношении стран, где еще сохраняются патриархальные установки на четкое разделение ролей между супругами [43]. Российские исследования подтверждают данную тенденцию. Так, несмотря на то, что женщины составляют почти половину экономически активного населения, они вынуждены тратить на неоплачиваемый домашний труд в среднем на 14 часов в неделю больше, чем мужчины [21, с. 49-50; 27]. При этом количество затрачиваемого времени возрастает при наличии в семье детей до 12 лет [31, с. 39]. Таким образом, двойная нагрузка, ложащаяся на женщин, сильно затрудняет возможность иметь больше одного ребенка, при этом выполняя все родительские обязательства, требования к которым в современном обществе сильно возросли.

К одним из главных обстоятельств, повлекших изменения в современном обществе, некоторые авторы (например, M. Oechsle и R. Zoll) относят процесс индивидуализации, затронувший все социальные сферы и послуживший одной из причин их преобразования. В частности, в области детско-родительских отношений данный процесс проявляет себя в кризисе единой нормативной модели родительства, в увеличении разнообразия жизненных стилей, в том числе и в сфере организации семейной системы [48, с. 338]. Так, Сьюзен Голомбок в своей книге «Modern families: Parents and children in new family forms» рассматривает такие нетрадиционные формы семьи, как гомосексуальные семьи; семьи с одним родителем (матерью или отцом); семьи с ребенком, зачатым с помощью искусственного оплодотворения; семьи, состоящие из ребенка и одинокого взрослого, сознательно ставшего родителем без привлечения к воспитанию партнёра; семьи с ребенком, рожденным при участии суррогатной матери. Исследовательница приходит к выводу, что психологическое благополучие ребенка зависит не от состава семьи, а от используемых стратегий воспитания и эмоционального климата. Проблемы нетрадиционных семей, согласно Голомбок, связаны не со спецификой их состава, а со стигматизацией, которой данные семьи в большей или меньшей степени подвергаются в обществе [44]. Её тезис подтверждается работами некоторых исследователей. Например, S. Johnson и E. O'Connor в своих исследованиях показали, что более крепкие отношения между детьми и родителями, а также больший вклад в воспитание наблюдаются в нетрадиционных семьях [47].

В европейских странах отношение к родительству в гомосексуальных семьях варьируется от страны к стране. Наибольшее одобрение в сторону семей с двумя отцами или двумя матерями наблюдается в таких странах, как Швеция, Нидерланды, Исландия, также в данных странах отмечается самый высокий уровень принятия в вопросе однополых отношений. В постсоветских странах, включая Россию, а также в ряде балканских стран (Румыния, Болгария, Хорватия), напротив, наиболее низкий уровень принятия гомосексуальных отношений и родительства в однополых парах. В исследовании J. Takacs, I. Szalma и T. Bartus было обнаружено, что принятие гомосексуальных семей с детьми более выражено у тех респондентов, которые не считают модель традиционной семьи наиболее правильной, имеют высшее образование, не принадлежат к религиозным организациям и не имеют детей. Характер отношения к удочерению/усыновлению детей однополыми семьями имеет высокую корреляцию с показателем институционализации усыновления детей однополыми парами (Institutionalization of Adoption by Same-sex Couples – IASC), под которым подразумевается наличие в стране законов, позволяющих обоим партнерам в гомосексуальных парах получить родительские права в отношении приемного ребенка [51].

Нетрадиционные семьи в России не имеют статуса легитимных как на правовом уровне, так и в массовом сознании граждан. Так, согласно данным Исследовательского центра Пью за 2013 год, 74% людей в России считают, что гомосексуальность неприемлема в российском обществе, что ставит Россию на первое место среди не исламских государств по уровню негативного отношения к людям с нетрадиционной сексуальной ориентацией. В 2014 году в России был принят федеральный закон, запрещающий усыновление российских детей-сирот гражданами других государств, официально состоящими в браке с людьми своего пола, а также не состоящими в браке лицами, имеющими гражданство тех стран, в которых однополые браки легализованы [45, с. 80].

Для современной семьи характерно смещение её психологического центра, который традиционно был сосредоточен на детях – их рождении, выращивании и воспитании. Подобный детоцентризм в семьях сопровождался строгим контролем над ребенком,

определением границ его активности и характера его поведения. Однако в настоящее время приоритеты современной семьи сдвигаются в сторону обеспечения равных возможностей для самореализации всех её членов, при этом родительство перестает быть единственным центральным элементом семейной системы [48, с. 341]. Это открывает большие возможности для родителей, располагающих разнообразными жизненными сценариями, к которым относится построение карьеры с делегированием труда по уходу за детьми наемному персоналу, завершение неудачного брака, сожительство с новым партнером, объединение детей от разных браков и т.д. Однако подобная флюидность семейных границ и сценариев, нерегулярный контакт с родителями вследствие их высокой занятости, неустойчивость современного брака затрудняют процесс взросления детей, растущих в современных семьях и стимулируют формирование ранней самостоятельности, ориентации на себя в поведении и предпочтениях, что связано с отсутствием полной уверенности в возможности положиться на родителей в сложной ситуации и быть защищенными ими [48, с. 341-342].

Многие российские исследователи указывают на то, что дети из неполных семей более уязвимы в психологическом плане, обладают заниженной самооценкой, более низкой успеваемостью в школе и рядом других негативных особенностей, в меньшей степени выявленных у их сверстников из семей с двумя родителями [20]. Но при этом зачастую не учитывается тот факт, что одинокие матери с детьми, которые составляют абсолютное большинство неполных семей, чаще всего имеют экономические трудности, такие как проблемы с финансами и жильём, в связи с чем вынуждены проявлять большую экономическую активность и проводить меньше времени со своими детьми, нежели матери, состоящие в браке [18, с. 103]. К тому же в российских семьях широко распространено домашнее насилие в отношении детей и женщин, что может быть одной из основных причин разводов в семьях и сопровождаться тяжелыми психологическими последствиями для жертв [5]. Таким образом, можно предположить, что не сам факт развода, но прежде всего травматичные события, ставшие его причиной, а также экономическая нестабильность неполных семей являются факторами, оказывающими негативное влияние на психологическое благополучие детей.

Социально-психологические факторы второго демографического перехода представлены повышением требований к воспитанию детей, созданию для них благоприятного психологического климата и оптимальной для развития среды. Если ранее модель родительства задавалась в большей степени старшими членами расширенной семьи, а многие взрослые имели опыт ухода за младшими братьями и сестрами еще в период собственного взросления, то сейчас опыт предыдущих поколений становится менее востребован, формирование родительских компетенций происходит за счёт привлечения экспертного мнения, теоретических знаний [48]. В настоящее время существует представление о том, что родителей нужно учить быть родителями. Такой взгляд на родительство является и причиной, и следствием процесса коммерциализации детства. Этот процесс характеризуется производством различных продуктов (информационных, материальных), обещающих улучшить благосостояние ребенка и родительские компетенции. К таким продуктам можно отнести различные тренинги для родителей, огромное количество литературы, зачастую написанной людьми, не являющимися экспертами по вопросам детско-родительских отношений, всевозможные развивающие игры. Молодые родители, таким образом, оказываются перед неконтролируемым потоком самой разнообразной информации, источники которой предъявляют к их родительским компетенциям высокие и зачастую противоречивые требования [1, с. 5-6]. Необходимость соответствовать требованиям

интенсивного родительства является одной из причин как малодетности, так и высокого уровня родительского, в особенности материнского, стресса [41]. G. Wall связывает это с тем, что детоцентристская ориентация, характерная для практик интенсивного родительства, вступает в противоречие с современными приоритетами карьерных достижений, социальной успешности и саморазвития [53].

Концепция ответственного родительства распространяется не только на процессы воспитания ребенка и отношений с ним, но и на подготовку к его рождению, что выражается в стремлении женщин активно участвовать в организации родов, в требованиях об информировании о процессах и возможных рисках, в тщательном выборе врача и учреждения (что доступно, однако, в основном представительницам среднего и высшего класса) [52, с. 165-167].

Наряду с общеевропейскими тенденциями, в российской семье всё еще достаточно сильны так называемые традиционные ценности, которые проявляют себя в нетерпимости к родительству в гомосексуальных семьях и к движению чайлдфри, предполагающему добровольный отказ от рождения детей, рассмотрении многодетности как желательного сценария в формировании семейной системы [25].

Важно отметить, что для современной семьи в развитых западных странах характерны изменения в соотношении гендерных ролей как в области партнерских отношений, так и в сфере родительства. Так, семейная политика и публичный дискурс скандинавских стран направлены на то, чтобы сделать ответственное отцовство нормативной моделью, в соответствии с которой отец несет те же обязанности по отношению к ребенку, что и мать, не только формально, но и на практике [35, с. 102].

В России, однако, гендерный дисбаланс наблюдается как в области представлений о родительстве, так и в сфере исполнения родительских обязательств, что может быть связано с влиянием традиционных ценностей, которые, как уже было отмечено, всё еще сохраняют своё влияние на сознание и поведение людей в семейных отношениях.

Так, существуют отечественные исследования, выявляющие гендерные различия в представлениях о материнстве и отцовстве. В исследовании Е.Н. Васильевой было выявлено, что девушки, по сравнению с юношами, придают большее значение осознанию собственных обязанностей и функций в отношении к ребенку, представлению о себе как о родителе, образу супруга. Для юношей в семейной жизни роль «руководителя» – лица, дающего указания, требующего их исполнения и организующего жизнь членов семьи, – занимает существенное место в представлениях о будущем отцовстве. Для девушек данная роль оказывается не приоритетна [8].

В исследовании А.Р. Вагаповой было показано, что для девушек важное место в представлениях о материнстве занимает возможность обучения ребенка, передачи ему собственных навыков и знаний, тогда как для юношей в образе матери более существенна высокая ответственность за ребенка. Также юноши маркируют материнство как самопожертвование, тогда как девушки не склонны так характеризовать роль матери. Во взглядах на отцовство у разнополых молодых людей наблюдались значимые расхождения. Так, если юноши видят основную функцию отца в материальном обеспечении семьи и ее защите, то для девушек более существенным в отцовстве видится проявление заботы о своей семье. Также у девушек в представлении об отцовстве важную роль занимает элемент выстраивания положительных отношений с ребенком, установления с ним близких связей, тогда как в представлениях юношей данный фактор не имеет значительного веса [7]. Однако существуют данные, указывающие на то, что в целом юноши более высоко оценивают роль

родительства в их самореализации, тогда как девушки относятся к возможности собственного материнства более сдержанно и на более высокое место в иерархии приоритетов ставят свою социальную активность и активность партнера [22]. Данный гендерный дисбаланс в приоритетах может быть связан с тем, что женщине тяжело совмещать развитие карьеры с воспитанием детей в современных условиях, тогда как для отцов подобная необходимость не стоит остро, что делает родительство более позитивным и желанным явлением в их глазах.

Если говорить о родительских правах и обязанностях в России, то гендерное равенство в данной сфере также не наблюдается. Так, в нашей стране неполные семьи составляют около трети от всех семей (согласно всероссийской переписи населения в 2010 году), причём 88,6% из них – семьи с одинокими матерями. При этом больше 80% одиноких матерей не получают алиментов от отцов детей, что становится одной из причин низкого экономического статуса в таких семьях и повышенного стресса их членов [36, с. 106]. Также для российских семей типична ситуация, в которой ребенка воспитывают бабушка и мать, в то время как отец мало участвует в процессе взросления, даже не будучи в разводе с супругой [30, с. 49-51]. Некоторые исследователи, например, О. Исупова, указывают на то, что подобная ситуация представляется наследием советского прошлого (подробно рассмотренного выше), в котором семья была ответственностью женщины и государства, но не мужчины [50, с. 477]. Другие ученые отмечают, что низкая вовлеченность отцов в воспитание детей обусловлена преимущественно гендерным неравенством на рынке труда, которое выражается в менее высокой зарплате женщин по сравнению с мужчинами, в необходимости женщин прикладывать больше усилий для получения высокооплачиваемой работы, что приводит к ситуации, в которой родители в декретном отпуске в абсолютном большинстве представлены матерями [27, с. 239-243; 50, с. 478].

Не последнюю роль в дисбалансе родительского участия играют традиционные гендерные установки, всё еще обладающие большой значимостью в российском обществе и поддерживающиеся официальным политическим дискурсом, в котором ответственность за выращивание и воспитание детей подразумевается как преимущественно женская обязанность, в то время как обязанности отцов оказываются не артикулированы. Некоторые исследователи указывают на то, что подобный государственный вектор представляет собой продолжение советской позиции в отношении материнства как социально-политической функции женщины [49, с. 715-716].

Одной из главных институций, которые продвигают традиционные ценности, отсылающие ещё к дореволюционному устройству патриархальной семьи, является Русская Православная Церковь (РПЦ). Повестка РПЦ во многом противоположна советской повестке. Так, церковь проводит критику аборт, утверждает в качестве единственной нормативной модели семью с жестким разделением гендерных ролей, ориентированную на рождение и воспитание детей, при этом законодательные меры по защите детства (такие как попытки введения ювенальной юстиции) встречают резко негативную реакцию со стороны РПЦ. Такая реакция аргументируется тем, что семья представляет собой освященный Богом союз, вмешательство в который со стороны светских структур государства неприемлем [39, с. 6-10].

Как было рассмотрено ранее, для общества на этапе второго демографического перехода характерен отказ от единой модели семейных отношений в сочетании с уменьшением популярности официального брака. Эти тенденции прослеживаются и в нашей стране. Так, В.О. Карабанова указывает на то, что в современном российском обществе наряду с традиционными, юридически узаконенными формами брака всё большее

распространение получают такие не отображенные на законодательном уровне формы партнерских отношений, как, например, гражданский брак [22, с. 56]. Говоря о гражданском браке, стоит учитывать, что данное понятие изначально было противопоставлено браку церковному, «венчанному», то есть под ним подразумевался светский союз, не получивший признания со стороны церкви. В современном обыденном словоупотреблении понятие гражданского брака стало синонимично понятию фактического брака, который на юридическом языке носит название «сожительства» [29, с. 11]. Однако терминология, используемая в юриспруденции, не всегда совпадает с тезаурусом психологии, так как редко позволяет произвести дифференциацию различных форм партнерских отношений. Так, В.О. Карабанова разводит понятия «сожительства» и «гражданского брака», а также выделяет как отдельную форму отношений «пробный брак». Они различаются, во-первых, продолжительностью и стабильностью совместного проживания, а во-вторых, характером социальной репрезентации. Пробный брак сравнительно недолог, представляет собой «проверку» партнерами совместной жизни перед заключением официального брака. Такие отношения либо распадаются, либо заключается законный брак. Длительность сожительства может очень варьироваться от семьи к семье. Данная форма отношений характеризуется прежде всего аморфной ролевой структурой, отсутствием семейных обязательств, признаваемым обоими членами пары.

Гражданский брак характеризуется длительностью и стабильностью отношений, наличием достаточно структурированной ролевой системы, в значительном числе случаев пара воспитывает детей, рожденных в этом союзе. Главной причиной такого союза партнеры часто называют взаимное доверие и уважение, для которых не требуется формального подтверждения и юридических гарантий, даваемых официальным браком. Если же гражданский брак характеризуется как отложенный, то партнеры называют следующие причины отсрочки узаконенного союза: отсутствие финансово-экономической самостоятельности, отсутствие полной уверенности в правильности выбора партнера, противоречивое отношение партнеров к гражданскому браку, влияние истории родительской семьи по типу сценария или антисценария [30, с. 56].

Также в современном российском обществе увеличивается количество семей, в которых есть родительство, но нет супружества. Так, в настоящее время в России примерно каждый третий ребенок рождается вне брака [38].

Как уже было описано ранее, несмотря на постепенное развитие общеевропейских тенденций в сфере семейных отношений, российская семейная система обладает своими особенностями, некоторые из которых носят явно негативный характер. Так, немногочисленные кросс-культурные исследования показывают, что в России до сих пор распространены телесные наказания по отношению к детям, тогда как в США, например, эта форма воспитания не практикуется, чему немало способствует законодательство данной страны [1, с. 25-27]. Также в России распространено домашнее насилие в отношении женщин. Так, согласно официальной статистике, на 2017 год было зарегистрировано более 34 тысяч преступлений, сопряженных с насильственными действиями в отношении членов семьи, более 90% пострадавших – женского пола. Всего в отношении детей совершено более 5 тысяч преступлений насильственного характера со стороны членов семьи [42]. При этом нужно понимать, что в данную статистику попадают только те случаи, о которых было сообщено в правоохранительные органы и по которым было заведено дело. С учетом того, что в России на данный момент не существует закона, провозглашающего уголовную

ответственность за домашнее насилие, осуществленное впервые и не повлекшее за собой тяжкого вреда здоровью, можно предполагать, что реальные цифры гораздо больше [15].

Обсуждение и заключения

Современная российская семья характеризуется значительным отступлением от традиционной модели, флюидностью ролевых позиций и в то же время сохранением некоторых черт, присущих патриархальной семье. Одним из факторов данных противоречий является сложный процесс изменений в детско-родительских отношениях, которые, будучи регулируемы государством в советский период, перетерпели трансформацию после распада СССР. И хотя в настоящее время в российской семье наблюдаются тенденции, характерные для развитых западных стран, наследие, оставшееся с советских времен, проявляет себя в преимущественно материнской ответственности за организацию воспитания и выращивания детей, которая провозглашается как на уровне официального политического дискурса, так и на уровне массового сознания. Традиционные ценности дореволюционного периода, активно продвигаемые прежде всего институтом церкви, также вступают в оппозицию с изменениями семейной системы, движущейся в сторону многообразия форм партнерских и детско-родительских отношений. Всё это делает современную российскую семью полем возможных конфликтов и противоречий, представляющим интерес для культурологических, психологических и социологических исследований.

Список использованных источников

1. Андреева А.Д. Образ семьи и родительства у современных матерей: кросс-культурное исследование // Теоретическая и экспериментальная психология. 2016. №2. С. 17-30.
2. Артамонова А.В., Митрофанова Е.С. Сожительства в России: промежуточное звено или легитимный институт // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. №1(131). С. 126-145.
3. Артемова О.Ю., Кабо В.Р., Першиц А.И. Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине. М.: Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр РАН «Издательство "Наука"», 1987. 204 с.
4. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / пер. с французского Я.Ю. Старцева при участии В.А. Бабинцева. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999. 416 с.
5. Атагимова Э.И. Правовое регулирование противодействия семейно-бытовому насилию в России и за рубежом: сравнительный анализ // Мониторинг правоприменения. 2018. №2. С. 49-53.
6. Барашев М.А. Домашнее воспитание в русской дворянской семье второй половины XVIII – начала XIX века // Вопросы образования. 2010. №1. С. 225-234.
7. Вагапова А.Р. Формирование представлений у молодежи о материнстве и отцовстве // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2015. Т. 15, №2. С. 31-35.
8. Васильева Е.Н. Гендерные различия в структурных компонентах психологической готовности к родительству // Современные проблемы науки и образования. 2013. №6. С. 853.

9. Веретенко В.А. Уход за детьми раннего возраста в дворянских семьях России во второй половине XIX – начале XX века // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2012. №3. С. 18-29.
10. Грицай Л.А. Педагогические идеи и повседневный опыт родительского воспитания детей в культуре Российского просвещения XVIII века // Вестник Томского государственного университета. 2013. №367. С. 139-145.
11. Грицай Л.А. Русская семья рубежа XIX и XX вв. В зеркале сословных различий: историко-культурный аспект // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2011. №1(15). С. 134-140.
12. Гурджиян М.В. Кризис семьи в современной России и пути его преодоления // Общество: философия, история, культура. 2017. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krizis-semi-v-sovremennoy-rossii-i-puti-ego-preodoleniya> (дата обращения: 18.01.2020).
13. Гурко Т.А. Брак и родительство в России. М.: Институт социологии РАН, 2008. 325 с.
14. Гурко Т.А. Институт семьи в постиндустриальных обществах // Ценности и смыслы. 2011. №4(13). С. 26-44.
15. Давтян М., Ривина А. Чем опасна декриминализация побоев // Ведомости. 2018. 5 февраля. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/02/06/750032-dekriminalizatsiya-poboev> (дата обращения: 07.06.2019).
16. Дружинин В.Н. Психология семьи // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2, №3. С. 60.
17. Замараева З.П., Новоселов В.М. Особенности трансформации института отцовства в советский период // Теория и практика общественного развития. 2012. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-transformatsii-instituta-ottsovstva-v-sovetskiy-period> (дата обращения: 18.01.2020).
18. Захаров С.В., Чурилова Е.В. Феномен одинокого материнства в России: статистико-демографический анализ распространенности и механизмов его формирования // Мир России. Социология. Этнология. 2013. Т. XXII, №4. С. 86-117.
19. Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А. Государственное конструирование гендера в советском обществе // ЖИСП. 2003. №3-4. С. 299-320.
20. Иванченко В.А. Социально-психологические особенности детей из неполных семей // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2010. №2. С. 69-72.
21. Калабихина И.Е., Шайкенова Ж.К. Оценка трансфертов времени внутри домохозяйств // Демографическое обозрение. 2018. Т. 5, №4. URL: <https://demreview.hse.ru/article/view/8662> (дата обращения: 18.01.2020).
22. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: учебное пособие. М.: Гадарика, 2005. С. 320.
23. Кон И.С. Материнство и отцовство в историко-этнографической перспективе // Советская этнография. 1987. №6. С. 31-38.
24. Крюкова Т.Л., Сапоровская М.В., Куфтяк Е.В. Психология семьи. М.: Изд-во Речь, 2005. С. 240.
25. Миронова Ю.Г., Тырнова Н.А. Представления о родительстве в структуре матримониального поведения современной студенческой молодежи // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. №10. DOI: <https://doi.org/10.24158/spp.2017.10.6>.
26. Овчарова Р.В. Родительство как психологический феномен: учебное пособие. М.: Московский психолого-социальный институт, 2006. С. 360.

27. Панов А.М. Гендерный анализ российского рынка труда // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. №3(33). С. 237-245.
28. Развод в цифрах – статистика разводов в России. URL: <https://www.planeta-zakona.ru/blog/razvod-v-tsifrakh-statistika-razvodov-v-rossii.html/> (дата обращения: 07.06.2019).
29. Разумова И.А. «Гражданский брак»: понятие, статус, исследования // Труды Кольского научного центра РАН. 2010. №2. С. 9-24.
30. Самыгин С.И., Верещагина А.В., Загирова Э.М. Традиционная семья: специфика социологического дискурса и методологические приоритеты // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. №12. С. 81-85.
31. Сизова И.Л., Егорова Н. Распределение трудовых и домашних обязанностей в современной семье // Личность. Культура. Общество. 2014. №16(1-2). С. 204-212.
32. Синельников А.Б. Семья и брак: кризис или модернизация? // Социологический журнал. 2018. Т. 24, №1. С. 95-113.
33. Синельников А.Б. Трансформация брака и рождаемость в России // Народонаселение. 2019. №2. С. 26-39.
34. Соболевский А.В. Роль правящей династии русского централизованного государства в утверждении патриархального типа семьи в XVI-XVII веках // Вестник ТГПУ. 2014. №3(144). С. 9-13.
35. Соколюк Н.В. Гендерные отношения в сфере родительства: история и современность // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2009. №1. С. 88-102.
36. Терелянская И.В. Монородительская семья в прошлом и настоящем // Logos et Praxis. 2017. №4. С. 300-332.
37. Филиппов С.А. Понятие «Семья» по российскому законодательству // Вестник СГЮА. 2016. №3(110). С. 102-108.
38. Хачатрян Л.А. Тенденции изменения современной российской семьи // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. №4(20). С. 111-118.
39. Agadjanian A. Tradition, morality and community: elaborating Orthodox identity in Putin's Russia // Religion, State & Society. 2017. Vol. 45, no. 1. Pp. 39-60.
40. Attwood L., Schimpfoss E., Yusupova M. (eds) Gender and choice after Socialism. Palgrave Macmillan, 2018. 261 p. DOI: 10.1007/978-3-319-73661-7.
41. Friedman H.L. Intensive Mothering: The cultural contradiction of modern motherhood, edited by Linda Rose Ennis // Contemporary Sociology. 2016. Vol. 45(3). Pp. 299-301. DOI: <https://doi.org/10.1177/00943061166414071>.
42. Ganesini G., Blair S.L. Divorce, Separation, and Remarriage: The Transformation of Family. Emerald Group Publishing, 2016. Pp. 15-19.
43. Glowsky D. Why Do German Men Marry Women from Less Developed Countries? An Analysis of Transnational Partner Search Based on the German Socio-Economic Panel. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1096482>.
44. Golombok S. Modern families: Parents and children in new family forms. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2015. Pp. 111-113.
45. Gulevich O., Osin E., Isaenko N., Brainis L. Attitudes to homosexuals in Russia: content, structure, and predictors // Психология. Журнал ВШЭ. 2016. №1. Pp. 79-110.

46. Issoupova O. From duty to pleasure? Motherhood in Soviet and post-Soviet Russia // Ashwin S. (ed.) Gender, state and society in Soviet and post-Soviet Russia. Routledge, 2012. Pp. 40-64.
47. Johnson S., O'Connor E. The Gay Baby Boom: The Psychology of Gay Parenthood. New York: NYU Press, 2002. 193 p.
48. Polivanova K.N. Modern Parenthood as a Subject of Research // Russian Education & Society. 2018. Vol. 60(4). Pp. 334-347.
49. Rivkin-Fish M. Pronatalism, gender politics, and the renewal of family support in Russia: Toward a feminist anthropology of "maternity capital" // Slavic review. 2010. Vol. 69, no. 3. Pp. 701-724.
50. Sorainen A. et al. Strategies of non-normative families, parenting and reproduction in neo-traditional Russia // Families, Relationships and Societies. 2017. Vol. 6, no. 3. Pp. 471.
51. Takács J., Szalma I., Bartus T. Social attitudes toward adoption by same-sex couples in Europe // Archives of Sexual Behavior. 2016. Vol. 45, no. 7. Pp. 1787-1798.
52. Temkina A., Zdravomyslova E. Responsible motherhood, practices of reproductive choice and class construction in contemporary Russia // Attwood L., Schimpfössl E., Yusupova M. (eds) Gender and Choice after Socialism. Palgrave Macmillan, Cham, 2018. Pp. 161-186. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-73661-7_7.
53. Wall G. Mothers' experiences with intensive parenting and brain development discourse // Women's Studies International Forum. 2010. Vol. 33, no. 3. Pp. 253-263.
54. Zaidi B., Morgan S.P. The second demographic transition theory: A review and appraisal // Annual Review of Sociology. 2017. Vol. 43. Pp. 473-492.

References

1. Andreeva A.D. The image of family and parenthood in modern mothers: a cross-cultural study. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psihologiya*, 2016, no. 2, pp. 17-30. (In Russ.)
2. Artamonova A.V., Mitrofanova E.P. Cohabitation in Russia: an intermediate link or a legitimate institution. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny*, 2016, no. 1(131), pp. 126-145. (In Russ.)
3. Artemova O.YU., Kabo V.R., Pershic A.I. Personality and social norms in an early primitive community. Moscow, Akademicheskij nauchno-izdatel'skij, proizvodstvenno-poligraficheskij i knigorasprostranitel'skij centr RAN «Izdatel'stvo "Nauka"» Publ., 1987. 204 p. (In Russ.)
4. Ar'es F. Child and family life under the Old Order / translation from french YA.YU. Startseva with the participation of V.A. Babinceva. Yekaterinburg, Publishing House of the Ural University, 1999. 416 p. (In Russ.)
5. Atagimova E.I. Legal regulation of combating domestic violence in Russia and abroad: a comparative analysis. *Monitoring pravoprimereneniya*, 2018, no. 2, pp. 49-53. (In Russ.)
6. Barashev M.A. Home education in the Russian noble family of the second half of the XVIII - beginning of the XIX century. *Voprosy obrazovaniya*, 2010, no. 1, pp. 225-234. (In Russ.)
7. Vagapova A.R. The formation of ideas among young people about motherhood and fatherhood. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika*, 2015, vol. 15, no. 2, pp. 31-35. (In Russ.)
8. Vasil'eva E.N. Gender differences in the structural components of psychological readiness for parenthood. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 2013, no. 6, p. 853. (In Russ.)
9. Veremenko V.A. Care for young children in the noble families of Russia in the second half of the XIX - early XX centuries. *Vestnik LGU im. A.P. Pushkina*, 2012, no. 3, pp. 18-29. (In Russ.)

10. Gricaj L.A. Pedagogical ideas and everyday experience of parenting of children in the culture of the Russian education of the XVIII century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 367, pp. 139-145. (In Russ.)
11. Gricaj L.A. Russian family at the turn of the XIX and XX centuries. In the mirror of class distinctions: historical and cultural aspect. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Istoriya»*, 2011, no. 1(15), pp. 134-140. (In Russ.)
12. Gurdzhiyan M.V. The crisis of the family in modern Russia and ways to overcome it. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, 2017, no. 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/krizis-semi-v-sovremennoy-rossii-i-puti-ego-preodoleniya> (accessed: 18.01.2020). (In Russ.)
13. Gurko T.A. Marriage and parenthood in Russia. Moscow, Institut sociologii RAN Publ., 2008. 325 p. (In Russ.)
14. Gurko T.A. Institute of the family in post-industrial societies. *Cennosti i smysly*, 2011, no. 4(13), pp. 26-44. (In Russ.)
15. Davtyan M., Rivina A. The danger of decriminalization of beatings. *Vedomosti*, 2018, 5 fevralya. Available at: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/02/06/750032-dekriminalizatsiya-poboev> (accessed: 07.06.2019). (In Russ.)
16. Druzhinin V.N. Family Psychology. *Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki*, 2005, vol. 2, no. 3, p. 60. (In Russ.)
17. Zamaraeva Z.P., Novoselov V.M. Features of the transformation of the institution of fatherhood in the Soviet period. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2012, no. 6. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-transformatsii-instituta-ottsovstva-v-sovetskiy-period> (accessed: 18.01.2020). (In Russ.)
18. Zaharov S.V., Churilova E.V. The phenomenon of single motherhood in Russia: a statistical-demographic analysis of the prevalence and mechanisms of its formation. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya*, 2013, vol. XXII, no. 4, pp. 86-117. (In Russ.)
19. Zdravomyslova E.A., Tyomkina A.A. State construction of gender in Soviet society. *ZHISP*, 2003, no. 3-4, pp. 299-320. (In Russ.)
20. Ivanchenko V.A. Socio-psychological characteristics of children from single-parent families. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya «Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika»*, 2010, no. 2, pp. 69-72. (In Russ.)
21. Kalabihina I.E., Shajkenova ZH.K. Estimation of time transfers within households. *Demograficheskoe obozrenie*, 2018, vol. 5, no. 4. Available at: <https://demreview.hse.ru/article/view/8662> (accessed: 18.01.2020). (In Russ.)
22. Karabanova O.A. Psychology of family relations and the basics of family counseling: a training manual. Moscow, Gadariki Publ., 2005. P. 320. (In Russ.)
23. Kon I.P. Motherhood and fatherhood in a historical-ethnographic perspective. *Sovetskaya etnografiya*, 1987, no. 6, pp. 31-38. (In Russ.)
24. Kryukova T.L., Saporovskaya M.V., Kuftyak E.V. Family Psychology. Moscow, Publishing House Speech, 2005. P. 240. (In Russ.)
25. Mironova YU.G., Tyrnova N.A. Representations of parenthood in the structure of the matrimonial behavior of modern student youth. *Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika*, 2017, no. 10. DOI: <https://doi.org/10.24158/spp.2017.10.6>. (In Russ.)
26. Ovcharova R.V. Parenthood as a psychological phenomenon: a training manual. Moscow, Moskovskij psihologo-social'nyj institute Publ., 2006. P. 360. (In Russ.)

27. Panov A.M. Gender analysis of the Russian labor market. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*, 2014, no. 3(33), pp. 237-245. (In Russ.)
28. Divorce in numbers - statistics of divorces in Russia. Available at: <https://www.planeta-zakona.ru/blog/razvod-v-tsifrakh-statistika-razvodov-v-rossii.html/> (accessed: 07.06.2019). (In Russ.)
29. Razumova I.A. "Civil marriage": concept, status, research. *Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN*, 2010, no. 2, pp. 9-24. (In Russ.)
30. Samygin S.I., Vereshchagina A.V., Zagirova E.M. Traditional family: specifics of sociological discourse and methodological priorities. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 2016, no. 12, pp. 81-85. (In Russ.)
31. Sizova I.L., Egorova N. Distribution of labor and household responsibilities in a modern family. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*, 2014, no. 16(1-2), pp. 204-212. (In Russ.)
32. Sinel'nikov A.B. Family and marriage: crisis or modernization? *Sociologicheskij zhurnal*, 2018, vol. 24, no. 1, pp. 95-113. (In Russ.)
33. Sinel'nikov A.B. Transformation of marriage and fertility in Russia. *Transformaciya braka i rozhdaemost' v Rossii*, 2019, no. 2, pp. 26-39. (In Russ.)
34. Sobolevskij A.V. The role of the ruling dynasty of the Russian centralized state in the establishment of the patriarchal type of family in the XVI-XVII centuries. *Vestnik TGPU*, 2014, no. 3(144), pp. 9-13. (In Russ.)
35. Sokolyuk N.V. Gender relations in the field of parenthood: history and modernity. *Izvestiya Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta. Ekonomika i upravlenie*, 2009, no. 1, pp. 88-102. (In Russ.)
36. Terelyanskaya I.V. Single-parent family in the past and present. *Logos et PraxiP*, 2017, no. 4, pp. 300-332. (In Russ.)
37. Filippov S.A. The concept of "Family" under Russian law. *Vestnik SGYUA*, 2016, no. 3(110), pp. 102-108. (In Russ.)
38. Hachatryan L.A. Trends in the modern Russian family. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya*, 2014, no. 4(20), pp. 111-118. (In Russ.)
39. Agadjanian A. Tradition, morality and community: elaborating Orthodox identity in Putin's Russia. *Religion, State & Society*, 2017, vol. 45, no. 1, pp. 39-60.
40. Attwood L., Schimpfoss E., Yusupova M. (eds) *Gender and choice after Socialism*. Palgrave Macmillan, 2018. 261 p. DOI: 10.1007/978-3-319-73661-7.
41. Friedman H.L. Intensive Mothering: The cultural contradiction of modern motherhood, edited by Linda Rose Ennis. *Contemporary Sociology*, 2016, vol. 45(3), pp. 299-301. DOI: <https://doi.org/10.1177/00943061166414071>.
42. Ganesini G., Blair S.L. *Divorce, Separation, and Remarriage: The Transformation of Family*. Emerald Group Publishing, 2016. Pp. 15-19.
43. Glowsky D. Why Do German Men Marry Women from Less Developed Countries? An Analysis of Transnational Partner Search Based on the German Socio-Economic Panel. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1096482>.
44. Golombok P. *Modern families: Parents and children in new family form*. Cambridge, UK, Cambridge University Press, 2015. Pp. 111-113.
45. Gulevich O., Osin E., Isaenko N., Brainis L. Attitudes to homosexuals in Russia: content, structure, and predictors. *Психология. Журнал ВШЭ*, 2016, no. 1, pp. 79-110.
46. Issoupova O. From duty to pleasure? Motherhood in Soviet and post-Soviet Russia. *Ashwin P. (ed.) Gender, state and society in Soviet and post-Soviet Russia*. Routledge, 2012. Pp. 40-64.

47. Johnson S., O'Connor E. The Gay Baby Boom: The Psychology of Gay Parenthood. New York, NYU Press, 2002. 193 p.
48. Polivanova K.N. Modern Parenthood as a Subject of Research. *Russian Education & Society*, 2018, vol. 60(4), pp. 334-347.
49. Rivkin-Fish M. Pronatalism, gender politics, and the renewal of family support in Russia: Toward a feminist anthropology of "maternity capital". *Slavic review*, 2010, vol. 69, no. 3, pp. 701-724.
50. Sorainen A. et al. Strategies of non-normative families, parenting and reproduction in neo-traditional Russia. *Families, Relationships and Societies*, 2017, vol. 6, no. 3, pp. 471.
51. Takács J., Szalma I., Bartus T. Social attitudes toward adoption by same-sex couples in Europe. *Archives of Sexual Behavior*, 2016, vol. 45, no. 7, pp. 1787-1798.
52. Temkina A., Zdravomyslova E. Responsible motherhood, practices of reproductive choice and class construction in contemporary Russia. *Attwood L., Schimpfössl E., Yusupova M. (eds) Gender and Choice after Socialism*. Palgrave Macmillan, Cham, 2018. Pp. 161-186. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-73661-7_7.
53. Wall G. Mothers' experiences with intensive parenting and brain development discourse. *Women's Studies International Forum*, 2010, vol. 33, no. 3, pp. 253-263.
54. Zaidi B., Morgan S.P. The second demographic transition theory: A review and appraisal. *Annual Review of Sociology*, 2017, vol. 43, pp. 473-492.

© Бурина Е.А., Кудинова А.Е., 2020

Информация об авторах

Бурина Екатерина Александровна – кандидат психологических наук, доцент кафедры медицинской психологии и психофизиологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация, SPIN-код 7706-8327, ORCID 0000-0002-6344-9118, ScopusID 57126212000, e-mail: e.a.burina@spbu.ru.

Кудинова Анна Евгеньевна – студентка 4 курса факультета психологии, кафедра медицинской психологии и психофизиологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: annakudinova98@gmail.com.

Information about the authors

Burina Ekaterina Aleksandrovna – PhD, Associate Professor, Department of Medical Psychology and Psychophysiology, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation, SPIN-код 7706-8327, ORCID 0000-0002-6344-9118, ScopusID 57126212000, e-mail: e.a.burina@spbu.ru.

Kudinova Anna Evgenevna – 4th year student at the psychological faculty, Department of Medical Psychology and Psychophysiology, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation, e-mail: annakudinova98@gmail.com.

Поступила в редакцию: 20.12.2019

Принята к публикации: 02.02.2020

Опубликована: 31.03.2020